

**ОБЗОР ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
за 2018 год**

За исследуемый период в Адвокатскую палату Ивановской области поступило 64 обращения с претензиями на действия адвокатов. По результатам рассмотрения поступивших обращений было возбуждено 12 дисциплинарных производств.

Анализ поступивших в 2018 году обращений показывает, что большинство из них, а именно: 40 обращений (63% от общего количества) - это жалобы и заявления граждан; 12 сообщений из судов (18%); 10 сообщений от правоохранительных органов (16%), 2 представления вице-президента (3%).

Сравнивая эти данные с предыдущим периодом, можно отметить уменьшение почти на 15% (с 14 в 2017 году до 12 в 2018 г.) количества возбужденных дисциплинарных производств. На 17% уменьшилось общее количество жалоб и обращений, поступивших в палату. В 2017 году в АПИО поступило 77 обращений, из которых 50 – жалобы и заявления граждан; при этом следует заметить, что в 2018 году из 64 жалоб граждан 2 жалобы были отозваны.

По 12 поступившим из судов частным определениям, постановлениям, обращениям было возбуждено одно дисциплинарное производство, по семи обращениям принято решение об отказе в возбуждении дисциплинарного производства, а четыре были возвращены в связи с отсутствием отметки о вступлении в законную силу.

Все сообщения (жалобы) от следственных органов были признаны недопустимым поводом для возбуждения дисциплинарных производств.

Из содержания поступивших в адрес палаты обращений усматривается, что основная часть претензий к адвокатам исходит от доверителей, которые чаще всего жалуются на некачественное оказание юридической помощи, несогласование позиции с доверителем, несвоевременное оказание юридической помощи, отсутствие адвоката на следственных действиях (при имеющейся подписи в протоколе), нарушение права на защиту, неправильное оформление документов с доверителями, отсутствие соглашений и квитанций на оплату.

Из 12 возбужденных дисциплинарных производств в 2018 году Советом палаты было рассмотрено девять, рассмотрение трех дисциплинарных производств перенесено на 2019 год. По рассмотренным дисциплинарным производствам приняты следующие решения:

- статус двух адвокатов прекращен;
- предупреждение вынесено в отношении трех адвокатов;
- замечание объявлено двум адвокатам;
- одно дисциплинарное производство прекращено за отсутствием в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарного проступка.

Кроме того, в 2019 году Совет палаты рассмотрел три дисциплинарных производства, которые были перенесены с 2018 года. По результатам рассмотрения данных дисциплинарных производств статус одного адвоката был прекращен, в отношении двух адвокатов применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Из всех принятых Советом палаты решений по дисциплинарным производствам в суд было обжаловано только одно, по которому к адвокату применена мера ответственности в виде прекращения статуса. Вступившим в законную силу решением суда в удовлетворении иска было отказано.

Ниже приведем некоторые из рассмотренных в обозреваемом периоде дисциплинарных производств.

Адвокат по назначению, участвуя в рассмотрении судом ходатайства следователя о продлении обвиняемому срока содержания под стражей, не ознакомилась с материалами ходатайства, поступившими в суд; позицию обвиняемого на момент рассмотрения дела не выяснила, никаких мер для этого не предприняла; при рассмотрении ходатайства судом в данном вопросе полагалась на усмотрение суда, хотя должна была высказать позицию о несогласии с ходатайством; не предприняла мер, чтобы связаться с адвокатом обвиняемого по соглашению и выяснить у него причину отсутствия последнего в судебном заседании, возможность ее участия при рассмотрении ходатайства и позицию обвиняемого относительно ходатайства следователя, хотя такая возможность у нее имела; в судебном заседании ограничилась лишь высказыванием своей позиции по ходатайству.

Президентом АПИО было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. на основании обращения судьи Ивановского областного суда В. о нарушении адвокатом Г. положений закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА), УПК РФ, в котором содержалась следующая информация: адвокат Г., приняв 04.11.2017 в порядке назначения поручение на защиту обвиняемого П., при рассмотрении судом первой инстанции ходатайства следователя о продлении обвиняемому срока содержания под стражей, свои обязанности, связанные с защитой, выполнила ненадлежащим образом. Своим бездействием и занятой по делу позицией, явно противоречившей интересам обвиняемого, адвокат Г. лишила доверителя П. права на эффективную и квалифицированную защиту, чем грубо нарушила закон. А именно: в деле не имеется сведений о том, что адвокат ознакомилась с материалами ходатайства перед судебным заседанием, в том числе и с ходатайством следователя. При последнем продлении судом срока содержания под стражей П. категорически возражал против такого продления, считая возможным изменение ему меры пресечения на более мягкую, при даче пояснений в рамках апелляционного производства также возражал против продления ему срока содержания под стражей. Адвокат позицию обвиняемого на момент рассмотрения дела судом первой инстанции не выяснила, никаких мер для этого не предприняла. Осуществление защиты сводилось только к одной фразе адвоката в судебном заседании о том, что при рассмотрении ходатайства она полагается на усмотрение суда.

В своем объяснении адвокат Г. пояснила, что: 04.11.2017 ей была поручена по назначению защита П. в рассмотрении ходатайства следователя о продлении меры пресечения в К...ском городском суде Ивановской области. С ходатайством следователя адвокат ознакомилась 04.11.2017 по ордеру в уголовном деле. В этой связи необходимости ознакомления с ходатайством следователя в суде у нее не было. Поэтому она и не писала соответствующего заявления. В материалах ходатайства были представлены сведения о том, что П. уведомлен о рассмотрении ходатайства следователя и не возражает о проведении судебного разбирательства в его отсутствие. Она пыталась выяснить позицию обвиняемого, задав вопрос об этом следователю в судебном заседании, который пояснил, что дополнительно позицию обвиняемого выяснить не представляется возможным. Однако, со слов следователя, 03.11.2017 обвиняемый и его адвокат по соглашению В. в судебном заседании, в котором началось рассмотрение этого же

ходатайства, не возражали о продлении меры пресечения. В материалах ходатайства имеется телефонограмма о том, что адвокат по соглашению В. не возражает против участия защитника по назначению, т.к. сам не может принять участие в судебном заседании 04.11.2017. В суде апелляционной инстанции адвокат В. пояснил, что сведения в телефонограмме не соответствуют действительности.

Позиция о разрешении вопроса на усмотрение суда была занята в связи с отсутствием достоверных сведений о позиции самого П. по ходатайству следователя. Реальной возможности выяснить позицию П. не было, иначе адвокат Г. поддержала бы позицию П.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства адвокат Г. полностью согласилась с доводами сообщения судьи В. и пояснила, что о невозможности участия в судебном заседании адвоката по соглашению В. узнала от следователя. С В. по телефону не связывалась, хотя должна была это сделать. В материалах ходатайства в тексте постановления суда видела, что при предыдущем продлении меры пресечения П. возражал против продления. Позиция П. на 04.11.2017 ей была не известна. Адвокат согласна, что при такой ситуации она должна была возражать против продления меры пресечения, а не полагаться на усмотрение суда. С материалами, представленными в суд, она не знакомилась, хотя согласна, что должна была это сделать. В судебном заседании она вела себя пассивно, вопросы задавала, но не знает, отражены ли они в протоколе судебного заседания, с которым она не знакомилась. Г. читает, что ее поведение в суде не повлияло на положение П., т.к. при повторном рассмотрении ходатайства следователя после отмены постановления суда в апелляционном порядке, суд первой инстанции ходатайство следователя удовлетворил.

Квалификационная комиссия по результатам рассмотрения дисциплинарного дела установила следующие фактические обстоятельства:

Принимая участие в порядке назначения в суде первой инстанции при рассмотрении ходатайства следователя о продлении меры пресечения обвиняемому П., адвокат Г. заняла по делу позицию, явно противоречившую интересам обвиняемого, поскольку при последнем продлении судом срока содержания под стражей П. категорически возражал против такого продления, считая возможным изменение ему меры пресечения на более мягкую. При даче пояснений в рамках апелляционного производства он также возражал против продления ему срока содержания под стражей. Адвокат позицию обвиняемого на момент рассмотрения дела 04.11.2017 не выяснила, никаких мер для этого не предприняла. В данном вопросе полагалась на усмотрение суда, хотя должна была высказать позицию о несогласии с ходатайством. Кроме того, адвокат Г. не ознакомилась с материалами ходатайства, поступившими в суд, ограничившись ознакомлением с материалами, которые имелись в распоряжении следователя. Адвокат Г. не предприняла мер, чтобы связаться с адвокатом по соглашению В. и выяснить у него причину отсутствия последнего в судебном заседании, возможность ее участия при рассмотрении ходатайства и позицию доверителя П. относительно ходатайства следователя, хотя такая возможность у нее имелаась. Адвокат Г. в судебном заседании бездействовала, ограничилась лишь высказыванием своей позиции по ходатайству.

В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами. В соответствии с п.1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми незапрещенными законодательством РФ средствами, руководствуясь Конституцией РФ, законом и настоящим Кодексом.

В соответствии с пп.3 п.4 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки воле

доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя.

Согласно Положению о порядке участия адвокатов Ивановской области в качестве защитников и представителей в уголовном и гражданском судопроизводстве по назначению органов дознания, предварительного следствия и суда, утвержденным решением Совета АПИО 31.08.2007 г. (в ред. от 28.04.2017 г.), при вступлении в уголовное дело по назначению адвокат обязан выяснять в беседе с подзащитным в порядке ст. 53 УПК РФ, имелся ли у него ранее защитник и если да, то его данные. Затем адвокат должен установить, уведомлялся ли участвующий в деле защитник о производстве следственных действий, а также возможные причины неявки защитника, по возможности созвониться с ранее участвовавшим защитником по телефону, указанному в едином справочнике АПИО.

Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры.

Совет согласился с выводами квалификационной комиссии, признал в действиях (бездействии) адвоката Г. наличие нарушения требований пп.3 п. 4 ст. 6, пп.1, п.1 ст. 7 ФЗ РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п.1 ст. 8, пп.2 п.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката и применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Вопреки требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре адвокат, заключив соглашение с доверителем, не зарегистрировал его в журнале учета соглашений (договоров); не внес полученный от доверителя наличными денежными средствами гонорар в кассу адвокатского образования; при этом оформил и выдал доверителю фиктивную квитанцию.

Распоряжением президента АПИО на основании жалобы заявителя А. и представления вице-президента Адвокатской палаты Ивановской области возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Н. в связи с ненадлежащим исполнением адвокатом своих профессиональных обязанностей и нарушениями требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА.

В представлении вице-президента АПИО, который поддержал доводы жалобы заявителя А., указано на несоблюдение адвокатом Н. требований п.2 ст.5 Кодекса профессиональной этики адвоката, пп.4 п.1 ст.7, п.6 ст.25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 3.1 Положения о соглашении (договоре) об оказании юридической помощи (утв. решением Совета АПИО от 29.07.2016 года), которые выразились в том, что, оказывая юридическую помощь А., адвокат Н. соглашение с доверителем А. в журнале регистрации соглашений своего адвокатского образования (коллегии адвокатов) не зарегистрировал, полученные от А. денежные средства в сумме 10 000 рублей в кассу коллегии не внес.

Заявитель А. представила в АПИО квитанцию №... на сумму 10 000 рублей, оформленную и выданную адвокатом Н. 04.09.2017 года. По сообщению председателя адвокатского образования, указанная квитанция в коллегии адвокатов не оформлялась, заявителю А. не выдавалась, по своему номеру и оформлению не соответствует приходно-кассовым ордерам, используемым в адвокатском образовании. Квитанция была приобщена к материалам гражданского дела в целях возможного взыскания судебных расходов. Впоследствии по заявлению А. квитанция в деле была заменена на копию и выдана ей.

В своих письменных объяснениях и в ходе рассмотрения дисциплинарного производства квалификационной комиссией адвокат Н., не согласившись с доводами представления и жалобы А., сообщил, что выполнял свои обязанности перед доверителем надлежащим образом, в рамках принятых на себя обязательств, однако, после первого же судебного заседания по ее делу, она отказалась от его услуг, а потому он впоследствии более не участвовал в рассмотрении этого дела. Факты отсутствия регистрации в установленном порядке соглашения, заключенного с А., а также не внесения полученных от нее денежных средств в кассу коллегии адвокатов и оформления квитанции в нарушение порядка, установленного в адвокатском образовании, адвокат признал.

Согласно заключению, квалификационной комиссией АПИО установлено следующее:

Адвокат Н. на основании заключенного между ним и доверителем А. соглашения принял на себя обязательства подготовить процессуальные документы, необходимые для обращения от ее имени в Л...ский районный суд г. Иваново, а также принять участие в рассмотрении в суде гражданского дела, возбужденного на основании этого обращения.

Соответственно между сторонами дисциплинарного производства возникли правоотношения, урегулированные действующим гражданским законодательством.

Согласно п. 3 ст. 10 ГК РФ разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются.

При таких обстоятельствах на заявителя жалобы, не согласного с поведением адвоката при выполнении своих обязанностей перед ним, а также с качеством оказанных адвокатом услуг, возлагается обязанность доказать обратное.

Кроме того, на основании п.1 ст.23 Кодекса профессиональной этики адвоката, разбирательство в квалификационной комиссии осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства.

В этой связи комиссия отметила, что в рамках рассмотрения данного производства сторона заявителя обязана была, но не представила объективных данных, достоверных и достаточных доказательств того, что, выполняя данное поручение в части участия в рассмотрении вышеуказанного дела, Н. делал это недобросовестно и неквалифицированно (пассивно вел себя в ходе судебного заседания, не оказывая ей никакой правовой помощи, при этом явился туда с запахом алкоголя). При этом объяснения адвоката по этим обстоятельствам об обратном, выглядят логично и убедительно, ничем не опровергаются. Таким образом, указанные факты, во-первых, не нашли своего подтверждения в ходе дисциплинарного производства, а во-вторых, относятся к субъективной оценке поведения адвоката, т.е. не могут быть расценены как обоснованные.

Вместе с тем, в действиях адвоката Н. по несвоевременному составлению искового заявления, необходимого для обращения в суд от имени А., усматриваются нарушения п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п. 1 ст. 8 КПЭА, обязывающих адвоката при осуществлении своей деятельности исполнять свои обязанности честно, разумно, добросовестно и квалифицированно. Согласно п. 3.2 соглашения, заключенного между Н. и доверителем А., адвокат обязался составить процессуальные документы в течение пяти рабочих дней после произведения доверительницей оплаты. Исходя из того, что услуги Н. были оплачены 4 сентября 2017 года (что усматривается из представленной в распоряжение комиссии квитанции), очевидно, что исковое заявление должно было быть составлено им не позднее 11 сентября 2017 года. Как видно из информации о движении по гражданскому делу № ..., размещенной на сайте Л...ского районного суда гор.

Иваново, исковое заявление А. поступило в суд лишь 22 ноября 2017 года. Адвокат Н. подтвердил, что он сам подавал его на личном приеме, сам подписал его от имени своей доверительницы после его составления. Сам Н. подтвердил несвоевременность составления им рассматриваемого искового заявления, однако объяснил данный факт не предоставлением ему доверителем А. ряда необходимых для этого документов.

Комиссия критически отнеслась к объяснениям Н. в этой части. Если бы эта информация соответствовала действительности, адвокат, осознавая, что не сможет своевременно выполнить свои обязательства по независящим от него причинам, должен был уведомить об этом доверителя и разрешить вопрос об изменении в этой связи сроков выполнения своих обязательств, чего Н. в данном случае не сделал.

Адвокатом Н. были нарушены требования Положения о соглашении (договоре) об оказании юридической помощи, утв. решением Совета АПИО от 29 июля 2016 года, согласно которому такое соглашение (договор) подлежит обязательной регистрации в день его заключения в журнале учета соглашений адвокатского образования (п.1.3), а также требования п.6 ст.25 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п.3.1 названного Положения, согласно которым вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на его расчетный счет; все полученные адвокатом в качестве вознаграждения от доверителей наличные денежные средства приходятся в адвокатском образовании в тот же операционный день с выдачей бланка строгой отчетности (п. 3.2), а также положения п.2 ст.5 КПА о том, что адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

Согласно пп.4 п.1 ст.7 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта РФ, ФПА РФ, принятые в пределах их компетенции.

Вопреки вышеприведенным положениям, адвокат Н., заключив исследуемое соглашение с доверителем А.:

- не зарегистрировал его в журнале учета соглашений (договоров), который ведется в адвокатском образовании;
- не внес полученный от доверителя наличными денежными средствами гонорар в кассу своего адвокатского образования;
- оформил и выдал доверителю А. квитанцию, не являющуюся подлинной, на неиспользуемом в адвокатском образовании бланке о якобы внесении этих денег в кассу адвокатского образования, что не соответствует действительности.

Адвокат Н. на заседании Совета АПИО согласился с выводами квалификационной комиссии.

В части несвоевременной подачи искового заявления в суд пояснил, что это было связано с тяжелым состоянием здоровья.

Относительно не регистрации соглашения, не внесения полученного от доверителя гонорара в кассу адвокатского образования и оформления квитанции, не являющей подлинной, сообщил следующее. Заключить соглашение с А. ему предложил его знакомый юрист, который ранее оказывал ей юридические услуги в связи с оспариванием последних действий ресурсоснабжающей организации. Несмотря на то, что он (адвокат Н.) не обладал достаточными познаниями нормативно-правовой базы в данной области, так как данная категория дел – не его специализация, из-за тяжелого материального положения он решил заключить соглашение. В офисе юриста, он составил соглашение с А., получил от нее 10 000 рублей и выдал ей квитанцию,

которую выписал самостоятельно на имевшемся при нем бланке. После этого он 5 000 рублей передал указанному юристу, а остальную часть забрал себе и по указанным выше мотивам, не сдал в кассу адвокатского образования, а оставил себе.

Адвокатом Н. в период рассмотрения дисциплинарного производства доказательств наличия заболевания, препятствовавшего своевременной подаче искового заявления, не представлено.

Совет АПИО отметил, что за время разбирательства по жалобе адвокатом Н. не принимались меры к исправлению допущенного нарушения (внесению полученного от доверителя вознаграждения в кассу адвокатского образования), к возврату доверителю А. части либо полной суммы полученного от нее вознаграждения в связи с ее отказом от юридической помощи адвоката Н. и досрочным расторжением заключенного ранее соглашения, не принимались меры к примирению с заявителем жалобы.

Согласно Разъяснению Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам по вопросу применения мер дисциплинарной ответственности, утвержденному Решением Совета ФПА РФ от 15 мая 2018 г. (Протокол № 3), которое (Разъяснение) является обязательным для всех адвокатских палат и адвокатов, «...состояние здоровья адвоката, ...наличие неисполненных денежных обязательств перед третьими лицами, специализация адвоката в области уголовного судопроизводства и т.п. не могут быть приняты советом адвокатской палаты во внимание, поскольку наличие указанных обстоятельств не является основанием для освобождения адвоката от дисциплинарной ответственности».

Бездействие и действия адвоката Н., по мнению Совета АПИО, свидетельствуют о явном, осознанном и намеренном пренебрежении к надлежащему исполнению своих профессиональных обязанностей. Такое поведение адвоката несовместимо со статусом адвоката, поскольку порочит честь и достоинство адвоката, умаляет авторитет адвокатуры, способствует формированию негативного отношения к адвокатуре.

Совет, согласившись с заключением квалификационной комиссии и признав допущенные адвокатом нарушения существенными, применил к нему меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Несвоевременное внесение адвокатом гонорара в кассу адвокатского образования; непосещение доверителя в следственном изоляторе; непринятие адвокатом мер к обжалованию судебных актов при наличии к тому оснований и отсутствии письменного отказа доверителя от их обжалования; поддержание адвокатом ходатайства доверителя, явно не основанного на законе; непринятие мер к поддержанию позиции доверителя о применении к нему в отделе полиции незаконных методов психологического и физического воздействия повлекло привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности.

В АПИО поступили жалобы заявителей Г.Д.Н. и Г.М.Г. аналогичного содержания о нарушениях норм ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и КПЭА, допущенных адвокатами С. и С.А.С. при осуществлении защиты Г.Д.Н. по уголовному делу на стадии предварительного расследования и рассмотрения дела в суде первой инстанции, которые (то есть нарушения), по мнению авторов жалоб, порочат авторитет адвокатуры, подрывают доверие к адвокату и не совместимы со статусом адвоката.

Распоряжением президента АПИО было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката С.

Квалификационная комиссия, рассмотрев дисциплинарное дело, установила следующее.

28.10.2016 года следователем отдела № ... СУ УМВД России по г. Иваново было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ. В тот же день в качестве подозреваемого был задержан Г.Д.Н., была оформлена его явка с повинной, допрос в качестве подозреваемого, предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, он был допрошен в качестве обвиняемого. Вину в совершении незаконного приобретения и хранения без цели сбыта наркотического вещества в крупном размере Г.Д.Н. признал.

29.10.2016 года Ф...ский районный суд г. Иваново избрал в отношении Г.Д.Н. меру пресечения в виде заключения под стражу сроком на 2 месяца, которая несколько раз продлевалась (23.12.2016 года, 22.02.2017 года и 26.04.2017 года), вплоть до 26.06.2017 года, когда в ходатайстве следователю было отказано, и в отношении Г.Д.Н. была избрана подписка о невыезде и надлежащем поведении.

Кроме того, Г.Д.Н. был несколько раз допрошен в ходе расследования уголовного дела:

- 18.11.2016 г. с участием адвоката С. При этом Г.Д.Н. дал показания о том, что 28.10.2016 г. в отделе полиции к нему были применены незаконные методы психологического и физического воздействия, свою причастность к совершению преступления отрицал, указывал на иное лицо, причастное к незаконным действиям с наркотическими веществами, и ходатайствовал о проведении в отношении него психофизиологической экспертизы с применением полиграфа.

Указанное ходатайство рассмотрено и разрешено не было, а сам протокол дополнительного допроса от 18.11.2016 г. в уголовном деле отсутствует и в описи материалов дела не значится.

- 18.08.2017 г. с участием адвокатов С. и С.А.С., согласно протоколу допроса Г.Д.Н. изменил ранее данные показания и дал признательные показания в совершении незаконного сбыта и изготовления наркотических веществ.

- 27.09.2017 г. Г.Д.Н. было предъявлено обвинение в совершении покушения на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере, квалифицированное по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Согласно протоколу допроса обвиняемого от 27.09.2017 г. с участием защитников С. и С.А.С., Г.Д.Н. вину в предъявленном обвинении признал.

- 26.10.2017 г. Г.Д.Н. было предъявлено новое обвинение в совершении покушения на незаконный сбыт наркотических веществ в крупном размере, то есть по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Согласно протоколу допроса обвиняемого от 26.10.2017 г. с участием защитников С. и С.А.С., Г.Д.Н. вину в предъявленном обвинении признал.

11.12.2017 г. приговором Ф...ского районного суда г. Иваново Г.Д.Н. был признан виновным в совершении покушения на незаконный сбыт наркотических веществ, совершенный в крупном размере, и по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ приговорен к 8 годам 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Мера пресечения в зале суда была изменена с подписки о невыезде на содержание под стражей.

08.02.2018 г. апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда приговор в отношении Г.Д.Н. был отменен в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, а уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе со стадии

судебного разбирательства. Мера пресечения в отношении Г.Д.Н. была изменена с содержания под стражей на подписку о невыезде.

Уголовное дело на период дисциплинарного производства в отношении адвоката С. находится в производстве суда первой инстанции в стадии рассмотрения.

Адвокат С. осуществляла защиту Г.Д.Н. в уголовном судопроизводстве на стадии расследования уголовного дела и рассмотрения в суде первой инстанции. Ордер на осуществление защиты Г.Д.Н. был выдан коллегией адвокатов 31.10.2016 г. (защита на стадии расследования уголовного дела), хотя соглашение без номера об оказании юридической помощи с Г.Д.Н. было заключено адвокатом С. лишь 02.11.2016 г.

Квалификационная комиссия пришла к выводам об отсутствии доказательств, подтверждающих доводы заявителей о том, что:

- адвокаты С. и С.А.С. убедили Г.Д.Н. в необходимости заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве при непризнательной позиции по уголовному делу;

- Г.Д.Н. подписал заранее составленные протоколы допросов обвиняемого от 18.08.2017 г., 27.09.2017 г. и 26.10.2017 г. без прочтения и 26.10.2017 г. в отсутствие защитников адвокатов С. и С.А.С.;

- после подписания указанных протоколов допросов Г.Д.Н. была изменена квалификация обвинения на более тяжкое преступление, что ухудшало его положение по уголовному делу. При этом позиция обвинения основывалась исключительно на показаниях Г.Д.Н., зафиксированных в протоколах его допросов от 18.08.2017 г., 27.09.2017 г. и 26.10.2017 г.;

- в ходе судебного следствия адвокаты С. и С.А.С. убедили Г.М.Г. дать показания, подтверждающие совершение Г.Д.Н. преступления, не разъяснив при этом положение статьи 51 Конституции РФ;

- защитники С. и С.А.С. гарантировали подзащитному и его матери условное осуждение Г.Д.Н. в случае наличия признательных показаний самого Г.Д.Н. и изобличающих его показаний Г.М.Г.;

- общая сумма гонорара адвокатов С. и С.А.С. составила 840000 рублей.

Квалификационная комиссия не согласилась с тем, что причиной изменения Г.Д.Н. обвинения в совершении более тяжкого преступления в ходе расследования уголовного дела явились действия адвоката С., поскольку в соответствии со ст. 171 УПК РФ следователь выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, исходя из наличия достаточных доказательств, дающих основания для обвинения в совершении конкретного преступления. Указанное обстоятельство относится к оценке доказательств, что не входит в компетенцию квалификационной комиссии. Следует отметить также, что изготовление наркотических веществ, как квалифицирующий признак состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, Г.Д.Н. не вменялся, что видно из постановлений о привлечении в качестве обвиняемого от 27.09.2017 г., 26.10.2017 г. и из приговора суда.

В ходе расследования уголовного дела Г.М.Г. дважды допрашивалась в качестве свидетеля, а также давала показания в суде. При этом процессуальные права и обязанности ей разъяснялись соответственно следователем и судом, в том числе, право не свидетельствовать в отношении сына, предусмотренное ст. 51 Конституции РФ.

Адвокат С. отрицает какие-либо действия, связанные с дачей гарантий в исходе уголовного дела, а заявителями доказательств такового квалификационной комиссии не представлено.

То же относится к доводу Г.Д.Н. и Г.М.Г. о выплате адвокатам С. и С.А.С. гонорара в размере 840.000 рублей.

Квалификационной комиссией в ходе дисциплинарного производства установлены факты нарушения адвокатом С. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката, Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого 20.04.2017 г. VIII Всероссийским съездом адвокатов, и Положения «О соглашении (договоре) об оказании юридической помощи», утвержденного решением Совета Адвокатской палаты Ивановской области от 29.07.2016 года (вступило в силу с 01.09.2016 года), что свидетельствует о ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей, а именно:

Адвокат С. приступила к защите Г.Д.Н. на стадии расследования уголовного дела без достаточных на то оснований, выписав ордер 31.10.2016 г., тогда как соглашение без номера с Г.М.Г. было заключено 02.11.2016 г. Из текста соглашения не следует, что его экземпляр был выдан Г.М.Г. Согласно отметкам, сделанным на соглашении, на протяжении ноября 2016 г. – апреля 2017 г. адвокат С. получала лично от Г.М.Г. деньги различными суммами от 5000 до 30000 рублей, а всего 150000 рублей, которые в кассу адвокатского образования не сдавала, квитанций Г.М.Г. не выдавала.

Коллегией адвокатов представлены квитанции о внесении на лицевой счет адвоката С. от 30.11.2017 г. № 269238 на сумму 8200 рублей с назначением платежа как защита в судебных заседаниях и № 269250 на сумму 141.800 рублей с назначением платежа как оказание юридической помощи по соглашению от 02.11.2016 г., на общую сумму 150.000 рублей.

Квалификационной комиссии адвокат С. пояснила, что полученные от Г.М.Г. деньги своевременно в кассу адвокатского образования не вносила и сделала это лишь 30.11.2017 г. При этом квитанции Г.М.Г. выданы не были.

Таким образом, адвокат С. нарушила Положение «О соглашении (договоре) об оказании юридической помощи», утвержденное решением Совета АПИО от 29.07.2016 г. (вступило в силу с 01.09.2016 г.), согласно которому адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения (договора) между адвокатом и доверителем; соглашение подлежит обязательной регистрации в день его заключения, а также подлежит одобрению подзащитным, в чьих интересах оно было заключено; вознаграждение, выплачиваемое адвокату, подлежит обязательному внесению в кассу адвокатского образования в тот же день с выдачей бланка строгой отчетности (пункты 1.1., 1.3., 1.4., 3.1., 3.2.).

Адвокат С. за весь период нахождения Г.Д.Н. под стражей вплоть до 26.06.2017 г. ни разу не посетила его в СИЗО № 1 г. Иваново, в том числе перед первым допросом с ее участием 18.11.2016 г., что не может свидетельствовать о надлежащем исполнении ею обязанностей по осуществлению квалифицированной защиты обвиняемого по уголовному делу. Квалификационная комиссия не соглашается с утверждением адвоката С. о достаточности времени для обсуждения позиции по делу с обвиняемым Г.Д.Н. при доставлении его в отдел полиции для проведения следственных действий, а также в суд для участия в рассмотрении ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей, поскольку обвиняемый имеет право на свидание с защитником наедине без ограничения продолжительности по времени, что возможно лишь в условиях встреч в следственном кабинете СИЗО № 1 г. Иваново, и не достижимо в кабинете следователя и в суде в присутствии конвоя.

При наличии к тому оснований, согласно высказанной в суде позиции защитника и обвиняемого Г.Д.Н., адвокат С. не приняла мер к обжалованию постановлений суда от 26.04.2017 г. о продлении Г.Д.Н. срока содержания под стражей.

Адвокат С. не посетила Г.Д. в СИЗО № 1 после вынесения приговора и не выяснила у него желание обжаловать приговор суда, а также не обжаловала приговор по собственной инициативе.

Указанные действия адвоката С. нарушают положения Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого 20.04.2017 года VIII Всероссийским съездом адвокатов, обязательного для исполнения всеми адвокатами.

Также адвокатом С.:

- не принято мер по поддержанию позиции обвиняемого Г.Д.Н., о применении к нему в отделе полиции незаконных методов психологического и физического воздействия 28.10.2016 г. после задержания, а также смене показаний на непризнательные при допросе 18.11.2016 г.;

- при ознакомлении с материалами уголовного дела не выявлены нарушения, допущенные следователем при расследовании уголовного дела, в частности, отсутствие в уголовном деле протокола дополнительного допроса Г.Д.Н. в качестве обвиняемого от 18.11.2016 г., где были зафиксированы его непризнательные показания в совершении преступления и сообщено о фактах незаконного воздействия со стороны сотрудников полиции, а также факта не рассмотрения следователем заявленного в протоколе ходатайства.

- дважды поддержаны заявленные обвиняемым Г.Д.Н. ходатайства о применении судом особого порядка судебного разбирательства при ознакомлении с материалами уголовного дела 28.09.2017 г. и 26.10.2017 г., что противоречит положению ч. 1 ст. 314 УПК РФ, согласно которому обвиняемый вправе заявить о согласии с предъявленным обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы, тогда как обвинение Г.Д.Н. по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 288.1 УК РФ исключало такую возможность, исходя из санкции указанного уголовного закона (лишения свободы на срок от 10 до 20 лет).

В соответствии со ст. 2 и 6 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам, а полномочия адвоката, участвующего в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве, регламентируются соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан соблюдать:

- Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в частности положения ст. 7, согласно которой адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами;

- Кодекс профессиональной этики адвоката, в частности положения ст. 8, согласно которой адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката.

Адвокат С. в ходе рассмотрения дисциплинарного производства Советом АППО выразила согласие с выводами квалификационной комиссии. Пояснила, что в будущем подобных фактов допускать в своей работе не будет.

Совет АППО согласился с заключением Квалификационной комиссии и, принимая во внимание установленные факты нарушения адвокатом указанных положений Закона и Кодекса, признание адвокатом С. допущенных нарушений,

непривлечение ее ранее к дисциплинарной ответственности, применил меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Такая же мера дисциплинарной ответственности была применена Советом и к адвокату С.А.С., допустившему, как было установлено в ходе рассмотрения возбужденного в отношении него по жалобам тех же заявителей Г.Д.Н. и Г.М.Г. дисциплинарного производства, аналогичные нарушения.

Действуя разумно и квалифицированно в интересах своего доверителя, активно защищая его права и свободы на всех этапах производства по делу об административном правонарушении, адвокат занял позицию, соответствующую воле и интересам своего доверителя, и не нарушил законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекс профессиональной этики адвоката.

Распоряжением президента АПИО было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката С. на основании обращения судьи Ивановского областного суда М., из которого следовало, что:

- постановлением УУП ОМВД России по Ф...скому району от 16.06.2017 г. П. была подвергнута административному наказанию в виде административного штрафа в размере 500 рублей за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ;

- решением судьи Ф...ского городского суда Ивановской области от 29 сентября 2017 г. был удовлетворен протест заместителя Ф...ского межрайонного прокурора Ивановской области, постановление от 16.06.2017 г. отменено, производство по делу об административном правонарушении прекращено в связи с отсутствием в действиях П. состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ;

- не согласившись с решением судьи, защитник П. – адвокат С. подал жалобу в Ивановский областной суд, в которой поставил вопрос об отмене указанного решения судьи, указав в обоснование жалобы, в частности, на то, что не имелось достаточных оснований к удовлетворению протеста и действия его подзащитной П. были верно квалифицированы как мелкое хулиганство; умысел П. на оскорбление г-на С.О.В. не нашел своего подтверждения, она признала наличие в своих действиях мелкого хулиганства;

- решением судьи Ивановского областного суда жалоба защитника С. оставлена без удовлетворения, а решение судьи Ф...ского городского суда Ивановской области от 29 сентября 2017 года - без изменения;

- из материалов дела следует, что фактически П. не признавала свою вину в совершении мелкого хулиганства, пояснила, что нецензурно высказалась в связи с неполадками в работе телефона, тем самым отрицала умысел на нарушение общественного порядка;

- однако защитником С. подана в суд жалоба на решение судьи, которым производство по делу об административном правонарушении прекращено в отношении П. в связи с отсутствием в её действиях состава административного правонарушения, указав, что действия его подзащитной П. были верно квалифицированы как мелкое хулиганство;

- в силу пп. 3 п.4 ст.6 Федерального Закона от 31 мая 2002 № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя; в соответствии с п.п.2 и 3 ч.1 ст.9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя;

- изложенное свидетельствует о грубом нарушении адвокатом С. требований п.п.3 п.4 ст.6 Федерального Закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" и п.п.2 и 3 ч. 1 ст.9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Руководствуясь главой 30 КоАП РФ, судья Ивановского областного суда обращает внимание Президента АПИО на допущенное адвокатом С. грубое нарушение закона при осуществлении защиты П., в отношении которой прекращено производство по делу об административном правонарушении.

Из письменных объяснений адвоката С. следует:

- при рассмотрении Ф...ским городским судом Ивановской области протеста Ф...ского межрайонного прокурора на постановление по делу об административном правонарушении он являлся защитником П. по соглашению, которая постановлением УУП ОМВД России по Ф...скому району от 16.06.2017г. была признана виновной в том, что 08.06.2017г. в 15-30 час. находясь в общественном месте возле дома №25 в д. И. Ф...ского района Ивановской области, выражала явное неуважение к обществу, а именно: выражалась грубо нецензурной бранью, чем нарушала общественный порядок; деяние было квалифицировано по ч.1 ст.20.1 КоАП РФ и на П. был наложен штраф в размере 500руб; П. вину в совершении административного правонарушения полностью признала, наложенный штраф уплатила;

- с данным постановлением не согласился С.О.В., полагавший, что П. выражалась нецензурной бранью не обезличенно, а конкретно в его адрес, тем самым оскорбляя лично его, являющегося депутатом И...ского сельского поселения, в присутствии избирателей.; он обратился с жалобой в Ф...скую межрайонную прокуратуру, по результатам рассмотрения которой был принесен протест на вышеуказанное постановление по делу об административном правонарушении, в котором поставлен вопрос о восстановлении пропущенного срока для обжалования и об отмене этого постановления, кроме того, 10.08.2017г. заместитель Ф...ского межрайонного прокурора вынес постановление о возбуждении дела об административном правонарушении в отношении П. по ч.1 ст.5.61 КоАП РФ (оскорбление), приводя в обоснование те же самые обстоятельства, что и в протесте: по мнению прокурора, П. выражалась нецензурной бранью в адрес С.О.В., вследствие чего в ее действиях отсутствуют признаки административного правонарушения, предусмотренного ч.1 ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство), а усматриваются признаки другого правонарушения - оскорбления (ч.1 ст.5.61 КоАП РФ); данное постановление было направлено для рассмотрения по подсудности мировому судье;

- адвокату С. его доверитель П. пояснила, что с С.О.В. у нее сложились крайне неприязненные отношения, они работают на одном предприятии, он распространял в отношении нее ложные сведения, что являлось предметом проверки отделом полиции, куда она обращалась с соответствующим заявлением, кроме того, параллельно с вышеуказанным судебным разбирательством в Ф...ском городском суде рассматривалось гражданское дело по ее иску к С.О.В. о защите чести, достоинства и компенсации морального вреда В отношении обстоятельств совершения административного правонарушения 08.06.2017г. П. пояснила, что проводила по роду своей деятельности хронометраж рабочего дня С.О.В., предъявила ему для ознакомления документы о наложении на него дисциплинарного взыскания, в это время у нее забарахлил телефон, и она непроизвольно выругалась в связи с этим, т.к. не могла дозвониться до начальника, при этом г-на С.О.В. она не оскорбляла; полностью согласна с постановлением участкового уполномоченного полиции о наложении на нее штрафа в размере 500руб., который сразу же оплатила; не согласна с протестом прокурора, т.к. в нем утверждается, что она оскорбила С.О.В. нецензурной бранью, а она этого не делала; полагает, что поскольку инициатива по отмене исходила именно от С.О.В., обратившегося с этой целью в прокуратуру, установление в ее действиях состава оскорбления, а не мелкого

хулиганства, создаст для С.О.В. возможность обратиться в суд с иском о компенсации морального вреда, поэтому она просила оставить в силе постановление участкового уполномоченного и возражала против удовлетворения протеста прокурора, даже несмотря на то, что формально удовлетворение протеста освободит ее от административной ответственности за мелкое хулиганство.

В своих письменных объяснениях адвокат С. полагает, что поскольку потенциальная возможность обращения С.О.В. в суд с иском о компенсации морального вреда к П. за оскорбление при удовлетворении протеста прокурора становилась вполне реальной, а негативные последствия от этого были бы, безусловно, большими, нежели выгода от возможности возратить штраф в сумме 500руб., назначенный за мелкое хулиганство (который П. и не намеревалась возвращать, т.к. считала, что ее наказали справедливо), адвокат счел позицию подзащитной обоснованной и последовательно отстаивал ее на протяжении всего рассмотрения дела судом по протесту (всего было 3 судебных заседания на протяжении почти месяца).

Как далее следует из объяснений адвоката Смирнова В. В., постановление по делу об административном правонарушении было отменено в связи с тем, что суд установил, что П., выражаясь нецензурной бранью, оскорбляла исключительно С.О.В.; таким образом, отмена была вызвана не отсутствием состава административного правонарушения в действиях П. вообще, а наличием признаков другого правонарушения (не мелкого хулиганства, а оскорбления); такое судебное решение не устроило П., поскольку оно признавало обоснованной позицию С.О.В. и создавало преюдицию в его пользу.

Как указано в объяснении, подзащитная обратилась с просьбой к адвокату составить жалобу на решение, что он и выполнил, позиция была с ней полностью согласована; при этом о сроках привлечения к административной ответственности за оскорбление П. была адвокатом проинформирована; первоначально жалоба была составлена от имени самой подзащитной, но поскольку для подачи жалобы в суд было необходимо ее личное присутствие, а занятость на работе не позволяла ей произвести соответствующие действия лично либо затратить время на оформление и отправку заказной почтовой корреспонденции в адрес суда, ими было согласовано обращение с жалобой от имени адвоката. Адвокат С. полагает, что в рассматриваемой ситуации он действовал исключительно в интересах своей подзащитной и руководствовался ее интересами и занятой ею по делу позицией.

На тексте объяснений адвоката С. имеется рукописный текст от имени П., из которого следует, что П. с объяснением ознакомлена, поддерживает его полностью, претензий к адвокату С. не имеет.

Из приложенной к объяснениям адвоката С. копии его жалобы на решение судьи следует, что им ставится вопрос об отмене решения судьи Ф...ского городского суда от 29.09.2017 года, поскольку, по мнению, защитника, «действия его подзащитной были верно квалифицированы в постановлении по делу об административном правонарушении как хулиганство», при этом «сама П. пояснила, что свои слова ни коим образом не адресовала конкретному человеку, наличие мелкого хулиганства в своих действиях признает».

По результатам рассмотрения дисциплинарного производства Квалификационной комиссией было установлено, что между П. и С.О.В. сложились крайне неприязненные отношения, идет судебное разбирательство по ее иску о защите чести и достоинства, постановлением заместителя Ф...ского межрайонного прокурора в отношении П. было возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ по факту оскорбления С.О.В.

При таких обстоятельствах комиссия считала, что ссылки адвоката С. в обоснование занятой им позиции на признание П. вины в совершении мелкого хулиганства, в том числе, и с целью избежания преюдициального значения судебного решения, заслуживают внимания, поскольку указанная позиция является обоснованной,

соответствует законным интересам доверителя и его волеизъявлению. Именно адвокат С. в жалобе на решение Ф...ского городского суда, действуя в интересах П., поставил вопрос о необходимости исключения из его описательно – мотивировочной части фразы об оскорблении П. г-на С.О.В., что впоследствии и было сделано судьей Ивановского областного суда. Так, оставляя жалобу адвоката С. без удовлетворения, а решение судьи Ф...ского городского суда без изменения, в решение было внесено уточнено: исключена на стр. 3 в последнем предложении абзаца 6 фраза «... а оскорбляла исключительно С.О.В.», поскольку при таком изложении предложения, как указал суд, по сути, предрешается вина Пестряковой А. М. в нанесении оскорблений Смирнову О. В., а данные обстоятельства не подлежат установлению в рамках данного судебного заседания.

Таким образом, разумно и квалифицированно действуя в интересах своего доверителя, активно защищая его права и свободы, должным образом исполняя свои обязанности, адвокат С. на всех этапах административного производства по делу занимал позицию, соответствующую воле и интересам своего доверителя – П., и не допустил нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет согласился с выводами Квалификационной комиссии и прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката С. вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Получение вознаграждения адвокатом посредством перечисления денежных средств на банковскую карту родственника адвоката и невнесение адвокатом полученных таким образом денежных средств в кассу адвокатского образования признаны дисциплинарным проступком, несовместимым со статусом адвоката.

Распоряжениями президента АПИО от 20.02.2018 г. и от 18.04.2018 г. были возбуждены два дисциплинарных производства в отношении адвоката Д. по жалобам соответственно П.М.И. и П.Л.С.

Дисциплинарные производства направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии, которая по правилам п. 2.1 ст. 20 КПЭА объединила их, как возбужденные в отношении одного адвоката, в одно дисциплинарное производство.

П.М.И. в своем заявлении и в телефонограмме от 17.04.2018 года указала на устное соглашение с адвокатом Д. о ведении дела ее дочери – П.Л.С., отбывающей наказание по приговору суда в исправительной колонии г. Иваново, по вопросу УДО, также указала о перечислении по этому соглашению 25.000 рублей на банковскую карту матери адвоката Д., реквизиты которой (банковской карты) адвокат Д. выслал ей СМС-сообщением, указала о расторжении ею соглашения с адвокатом Д. в одностороннем порядке, пожаловалась на неисполнение адвокатом своих обязанностей по данному соглашению. Кроме того, заявитель П.М.И. указала, что с матерью адвоката Д. – Д.Г.А. она никогда знакома не была. Дочь деньги за работу адвоката не передавала. Заявитель просила провести проверку и вернуть ее деньги. Заявитель П.М.И. в подтверждение факта заключения соглашения и оплаты по нему представила сведения о переводе ею на карту получателя с последними четырьмя цифрами 2683 09.01.2018 года - 22.000 рублей, 10.01.2018 года – 3.000 рублей.

Из жалобы П.Л.С., следует, что в январе 2018 года к ней в колонию пришел адвокат Д. для оказания юридической помощи. До этого она его не знала, ему не писала и не звонила. Сказал, что ее мама, П.М.И., попросила его прийти к ней и перечислила ему за работу 25.000 рублей. Адвокат Д. принес с собой и попросил ее подписать соглашение с ним. Она его подписала и отдала адвокату Д. Почтой она его не отправляла, сама не готовила. Никаких денег она адвокату Д. никогда не передавала, и его услуги сама не

оплачивала. За нее оплатила работу адвоката ее мама. Видела адвоката Д. она один раз, больше он к ней не приходил. Документы для УДО не подготовил. Со слов матери знает, что Д. работу по соглашению не выполнил, денежные средства в кассу не внес, длительное время не возвращал документы матери для подачи заявления на УДО. Просила привлечь адвоката к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее исполнение им обязанностей по соглашению и за невнесение денежных средств, полученных по соглашению, в кассу адвокатского образования.

По существу претензий со стороны П.М.И. и П.Л.С. имеются письменные, и устные объяснения адвоката Д. Из них следует, что между адвокатом Д. и П.Л.С. было заключено соглашение № 6, с датой 10 января 2018 года, согласно которому общий размер вознаграждения установлен 25.000 рублей., из которых 5.000 рублей за составление ходатайства по УДО, апелляционных, кассационных жалоб, 15.000 рублей - за ведение дела в суде 1 инстанции, 5.000 рублей – за посещение мест изоляции или лишения свободы. 10 января 2018 года им внесены 500 рублей во исполнение условий соглашения в кассу адвокатского образования. Доверителя П.Л.С. в исправительной колонии он посещал, с материалами ее личного дела знакомился, консультационную помощь оказал, дал разъяснения о необходимом пакете документов для подачи ходатайства об УДО, которые поступили в адвокатское образование (коллегию адвокатов) по почте 17 января 2018 года. Юридическая помощь оказана надлежащим образом. В дальнейшем помощь по составлению ходатайства об УДО, по участию в суде адвокатом не оказана по независящим от него обстоятельствам, в связи с задержанием его следственным органом и избранием меры пресечения – домашний арест. Адвокатское производство по делу П.Л.С. было изъято, в последующем документы выданы следователем адвокату З., представляющей интересы П.Л.С. в настоящее время.

В отношении внесения от имени П.Л.С. в кассу адвокатского образования 500 рублей, перечисления П.М.И. 25.000 рублей на банковскую карту матери адвоката Д. - Д.Г.А., адвокат в объяснении от 28 марта 2018 года указал, что 10 января 2018 года в качестве аванса им внесены денежные средства П.Л.С. в размере 500 рублей в кассу адвокатского образования (квитанция № 024273 от 10.01.2018 года). В объяснении от 23 мая 2018 года адвокат Д. указал: «В качестве аванса в кассу коллегии адвокатов внесены денежные средства П.Л.С. в размере 500 рублей, что подтверждается квитанцией № 024273 от 10.01.2018 года»..... «Оплаченная юридическая помощь по соглашению об оказании юридической помощи № 6 от 10.01.2018года мною исполнена надлежащим образом 11.01.2018 года».....«По вопросу невнесенных денежных средств П.М.И. в размере 25.000 рублей в кассу адвокатского образования оставляю его без комментариев, так как П.М.И. является третьим лицом, и в соответствии с п.2 ст. 19, п.3.1 ст. 16 КПЭА дисциплинарное производство рассматривается по вопросам неисполнения и ненадлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей непосредственно перед доверителем. Вопрос о невнесении денежных средств П.Л.С. в кассу адвокатского образования в жалобе от 12.04.2018 года П.Л.С. не ставит. Кроме того, П.Л.С. в период с 10.01.2018 г. по 11.04.2018 г. с каким либо устным или письменным обращением по вопросу возврата документов, оплаты гонорара, исполнения мною соглашения № 6 от 10.01.2018 года, не обращалась, что дает основание полагать, что ее жалоба от 12.04.2018 г. имеет искусственный характер».

Устно в ходе дисциплинарного производства адвокат Д. пояснил, что П.М.И. сама связывалась с ним, он не помнит, чтобы сообщал ей сведения о банковской карте Д.Г.А., что не просил П.М.И. перечислять деньги на карту его матери, и что, вероятно, это сделали третьи лица. По всей видимости, его мать, Д.Г.А., знакома с П.М.И. Соглашение и деньги 500 рублей то ли пришли по почте, то ли принес курьер, он точно не помнит; он внес деньги в кассу до посещения колонии, расписался. О том, что его матери Д.Г.А. поступили деньги от П.М.И., узнал от матери. Вопрос о возврате денег П.М.И. решила Д.Г.А. Возврат 20.000 рублей был произведен через его адвокатское образование, Д.Г.А.

считает, что деньги в коллегиию адвокатов внесла ошибочно. Поступление денег 25.000 рублей на карту Д.Г.А. до заключения им соглашения с П.Л.С. объяснить не может. Не помнит, сообщал ли в телефонном разговоре с П.М.И., что деньги необходимо перечислить на банковскую карту его матери - Д.Г.А.

Согласно пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального Закона Российской Федерации № 63-ФЗ от 31.05.2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно п. 6 ст. 25 Федерального Закона Российской Федерации № 63-ФЗ от 31.05.2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования, либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Согласно п. 3.1 Положения о соглашении (договоре) об оказании юридической помощи, утвержденному решением Совета Адвокатской палаты Ивановской области от 29 июля 2016 года, вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на его расчетный счет.

Согласно п. 3.2 указанного Положения все полученные адвокатом в качестве вознаграждения от доверителей наличные денежные средства приходятся в адвокатском образовании в тот же операционный день с выдачей бланка строгой отчетности.

Адвокатом Д. нарушены требования, предусмотренные п.п. 4 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального Закона Российской Федерации № 63-ФЗ от 31.05.2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п.п. 3.1, 3.2 Положения о соглашении (договоре) об оказании юридической помощи, утвержденного решением Совета Адвокатской палаты Ивановской области от 29 июля 2016 года.

Нарушения заключаются в следующем. Адвокатом Д. заключено соглашение, датированное 10 января 2018 года, с П.Л.С. на оказание юридической помощи с общим размером вознаграждения 25.000 рублей, которое должно быть оплачено в срок до 31.01.2018 года в коллегиию адвокатов «Альянс». Это соглашение подписано П.Л.С. 11.01.2018 года, так как, по сообщению исправительного учреждения за № 1379 от 11.04.2018 года, единственное посещение адвокатом Д. осужденной П.Л.С. было в этот день. Ко дню заключения этого соглашения адвокат не мог вести адвокатскую деятельность в коллегии «Альянс», так как такой коллегии на указанный в соглашении период времени уже не существовало, адвокат Д. был адвокатом иного адвокатского образования. Поэтому обусловленное в соглашении вознаграждение должно было поступить именно в ту коллегиию адвокатов, где осуществлял свою адвокатскую деятельность адвокат Д., однако оно не поступило.

П.М.И. в заявлении от 14.02.2018 года указала на перечисление денежных средств в сумме 25.000 рублей на карту, с приложением документации, подтверждающей платежи, за ведение адвокатом Д. дела ее дочери – П.Л.С. Заявитель П.Л.С. в своей жалобе указала, что от Д. узнала, что ее мама, П.М.И., попросила его прийти к ней и перечислила ему за работу 25.000 рублей. Д. принес с собой и попросил ее подписать соглашение с ним. Она его подписала и отдала адвокату Д. Почтой соглашение она не отправляла, сама не готовила. Никаких денег она Д. никогда не передавала, и его услуги сама не оплачивала. За нее оплатила работу адвоката ее мама – П.М.И.

Согласно п. 3.1 статьи 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат вправе принимать денежные средства в оплату юридической помощи по соглашению за доверителя от третьих лиц (с ведома доверителя). При этом адвокат не обязан проверять взаимоотношения между доверителем и плательщиком – третьим лицом. Следовательно,

Д. вправе был принять денежные средства от матери П.Л.С. – П.М.И. в качестве вознаграждения во исполнение условий заключенного соглашения, и обязан был оприходовать вознаграждение полностью в кассу коллегии, однако не оприходовал.

Фактически вознаграждение адвокату по соглашению с П.Л.С. поступило переводом от ее матери, П.М.И., в сумме 25.000 рублей не в адвокатское образование, а на банковскую карту матери адвоката Д. – Д.Г.А., двумя платежами 09.01.- 22.000 рублей, 10.01.2018 года – 3.000 рублей. В кассу коллегии адвокатов лично адвокатом Д. внесены 10.01.2018 года – 500 рублей по квитанции № 024273. Остальная сумма, 24.500 рублей, в кассу или на расчетный счет коллегии не поступили. Ошибки в действиях П.М.И. по перечислению денег на счет Д.Г.А. не было, поскольку она действовала по указанию адвоката Д., принявшего поручение по оказанию юридической помощи ее дочери, с указанием в соглашении именно этой суммы вознаграждения. Это объективно подтверждается распиской №1 от 09 февраля 2018 года, о получении главным бухгалтером коллегии адвокатов, Е.И.А., от Д.Г.А. 20.000 рублей для последующего возврата клиентке П.М.И., в которой (в расписке) указано, что данная сумма была перечислена П.М.И. на банковскую карту Д.Г.А. за юридическую помощь адвокатом Д. по делу о рассмотрении ходатайства об УДО П.Л.С. Обращение 28 марта 2018 года Д.Г.А. в Адвокатскую палату Ивановской области с жалобой, в которой указано, что денежные средства в размере 25.000 рублей, поступившие на ее банковскую карту от П.М.И., не имеют отношения к деятельности адвоката Д., следует расценивать как способ помощи Д. в попытке избежать дисциплинарной ответственности.

Квалификационная комиссия приходит к выводу о несостоятельности довода адвоката Д. о том, что перечисленные П.М.И. денежные средства в размере 25.000 рублей на банковскую карту его матери не имеют отношения к оказанию им юридической помощи. Эти выводы подтверждены совокупностью сведений, имеющих в дисциплинарном производстве.

Между П.М.И., П.Л.С. и адвокатом Д. имело место соглашение об оказании юридической помощи П.Л.С., с оплатой труда адвоката ее матерью - П.М.И. указанным адвокатом способом, о выполнении П.М.И. действий по сбору документов, необходимых для подготовки ходатайства об УДО П.Л.С., и предоставлении их адвокату, что и было исполнено П.М.И., а адвокатом Д. принято.

С применением пп. 1 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, П.М.И. имела право на обращение в Адвокатскую палату Ивановской области с жалобой на действия (бездействие) адвоката, выполнявшего ее поручение по оказанию помощи ее дочери – П.Л.С. П.М.И. оплатила юридическую помощь по договоренности с адвокатом, прислала адвокату необходимые документы для выполнения поручения.

Кроме того, заключение Квалификационной комиссии принято не только по жалобе П.М.И., но и на основании жалобы П.Л.С., с которой у адвоката Д. был заключен двухсторонний договор. Обе жалобы основаны на действиях (бездействии) адвоката, связанных с исполнением им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, что соответствует статье 20 КПЭА.

Согласно заключению Квалификационной комиссии довод заявителей о неисполнении адвокатом Д. обязательств по оказанию юридической помощи П.Л.С. без уважительных причин не нашел своего подтверждения.

Совет согласился с заключением Квалификационной комиссии, констатировал наличие в действиях (бездействии) адвоката Д. нарушений требований пп. 4 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Учитывая тяжесть совершенного проступка, обстоятельства его совершения, расценивая действия (бездействие) адвоката Д. умышленными, свидетельствующими о явном, осознанном и намеренном пренебрежении к надлежащему исполнению своих профессиональных обязанностей, порочащими честь и достоинство адвоката,

уменьшающими авторитет адвокатуры, Совет пришел к выводу о несовместимости подобных действий со статусом адвоката и применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности – прекращение статуса адвоката.

Адвокат при наличии к тому оснований не обжаловал постановление суда о помещении доверителя в психиатрический стационар. Данное бездействие адвоката было признано дисциплинарным проступком.

Распоряжением президента АППО было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Т. на основании обращения судьи Ивановского областного суда К.

Из обращения судьи следует, что адвокат Т. 12.10.2017 г. осуществлял в порядке назначения защиту Л. в суде при рассмотрении ходатайства следователя ОМВД России по Л...скому району г. Иваново о помещении подозреваемого Л., не содержавшегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-психиатрической экспертизы. Постановлением судьи Л...ского районного суда г. Иваново от 12.10.2017 г. ходатайство следователя было удовлетворено, и подозреваемый Л. помещен в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства психиатрической экспертизы на 30 суток.

При рассмотрении ходатайства следователя подозреваемый Л. против помещения в медицинскую организацию возражал. Такую же позицию занимал адвокат Т., что следует из указанного постановления и протокола судебного заседания.

Однако, в нарушение положений ч.7 ст.49 УПК РФ, согласно которой адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого, и по смыслу положений п.п. 2, 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката должен выполнять обязанности защитника, включая, при необходимости, подготовку и подачу апелляционной жалобы на судебное решение по уголовному делу в случае, если суд не разделит позицию адвоката-защитника и подзащитного, на адвоката возложена обязанность подачи жалобы. Отказ подзащитного от обжалования судебного решения фиксируется его письменным заявлением адвокату.

Адвокат Т. вышеуказанное постановление судьи не обжаловал, хотя содержание полученного от Л. письменного заявления о желании при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции иметь защитника по назначению суда свидетельствовало о наличии у него намерений обжаловать судебное решение в апелляционном порядке.

При этом подать апелляционную жалобу самостоятельно Л. не смог и вынужден был обратиться за оказанием юридической помощи в ее составлении к другому адвокату, пропустив при этом срок на обжалование.

При таких обстоятельствах, принимая во внимание существо рассматриваемого судом ходатайства следователя и сведения о психическом состоянии Л., суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что несвоевременность подачи Л. апелляционной жалобы явилась следствием ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей участвовавшим 12.10.2017 г. в суде первой инстанции адвокатом Т., который не проявил активности в обжаловании вынесенного судом постановления о помещении Л. в психиатрический стационар.

15.12.2017 года по результатам рассмотрения апелляционной жалобы Л. постановление Л...ского районного суда г. Иваново от 12.10.2017 года о помещении его в психиатрический стационар отменено, следователю в удовлетворении ходатайства отказано.

Основанием к отмене постановления послужило то обстоятельство, что Л. к моменту рассмотрения ходатайства следователя о помещении его в психиатрический стационар

утратил статус подозреваемого, поскольку ни одного из указанных в статье 46 УПК РФ обстоятельств не имелось, а в соответствии со статьей 203 УПК РФ вопрос о помещении в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы разрешается лишь в отношении подозреваемого или обвиняемого, не содержащегося под стражей.

В своих письменных и устных объяснениях в ходе рассмотрения дисциплинарного производства адвокат Т. согласился с доводами, изложенными в обращении судьи, указал, что примет их к сведению в дальнейшем при осуществлении адвокатской деятельности. При этом адвокат пояснил, что интересы Л. представлял как дежурный адвокат, статус Л. он из материалов дела не увидел, оглашения судебного решения не дождался ввиду занятости, поскольку в этот день были другие вызовы следователей. После этого постановление суда по делу Л. не получал, о принятом судом решении не узнал, забыл о проведенном судебном заседании и постановление от 12.10.2017 г. не обжаловал.

Из постановления Л...ского районного суда г. Иваново от 12.10.2017 года и протокола судебного заседания следует, что при рассмотрении ходатайства следователя судом Л., именуемый как подозреваемый, указал, что он не против пройти обследование в ОКПБ "Богородское", но считает, что это можно сделать без его помещения в стационар. У него имеются заболевания, от которых он лечится дома. Кроме того, он боится огласки, в связи с чем может лишиться жилья.

Адвокат-защитник Т. с учетом позиции Л. и данных о его личности просил суд в удовлетворении ходатайства следователя отказать. Довода против удовлетворения ходатайства следователя в связи с процессуальным положением Л. по уголовному делу, а именно с утратой им статуса подозреваемого, адвокатом Т. приведено не было. Однако, поскольку этот довод не содержится в обращении судьи Ивановского областного суда К., Квалификационной комиссией он в связи с этим не рассматривался.

В соответствии с пп.1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Согласно п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката; п.8 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката говорит о том, что обязанности адвоката, установленные действующим законодательством, при оказании им юридической помощи по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда не отличаются от обязанностей при оказании юридической помощи за гонорар; пп. 2 и пп. 3 п.4 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката говорит о том, что адвокат-защитник обязан обжаловать приговор или иное решение суда в случаях, если суд не разделит позицию адвоката-защитника и подзащитного и при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам.

В соответствии с п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017 года, адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

Совет согласился с выводами Квалификационной комиссии о том, что адвокат Т. при наличии к тому оснований, не обжаловал постановление суда от 12.10.2017 года о помещении Л. в психиатрический стационар, нарушив тем самым требования пп.1 п.1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Федерации», п.1 ст. 8, п.8 ст. 10, пп. 2 и 3 п.4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, и применил к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания.

Неисполнение обязанностей адвоката по осуществлению обязательных ежемесячных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты является основанием для применения мер дисциплинарной ответственности, в том числе прекращения статуса адвоката.

За исследуемый период дисциплинарные органы палаты рассмотрели два дисциплинарных производства о задолженностях адвокатов по обязательным отчислениям в Адвокатскую палату Ивановской области: в отношении адвокатов С. и У.

По обоим дисциплинарным производствам Квалификационная комиссия, изучив их материалы, пришла к заключению о наличии в действиях (бездействии) адвокатов дисциплинарного проступка – нарушения требований пп. 5 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет согласился с данными заключениями и с учетом конкретных обстоятельств совершения каждого из проступков, а также с учетом иных обстоятельств, признанных Советом существенными, применил к адвокатам различные меры дисциплинарной ответственности.

Так, адвокат С. не производила обязательные ежемесячные отчисления в Адвокатскую палату Ивановской области с мая 2017 г., в результате чего на момент возбуждения дисциплинарного производства образовалась задолженность в сумме 7380 рублей, которая ко дню рассмотрения дисциплинарного дела Советом 26 января 2018 года увеличилась до 9840 руб. Попыток погасить задолженность адвокатом не предпринималось, об отсрочке оплаты задолженности адвокат не просила. Учитывая данные обстоятельства, а также принимая во внимание нежелание адвоката продолжать профессиональную деятельность, выраженное путем направления в АПИО заявления о прекращении статуса адвоката, Совет применил к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат У. имела задолженность по оплате обязательных отчислений в АПИО на момент возбуждения в отношении нее дисциплинарного производства в сумме 7380 рублей. В период процедуры рассмотрения данного дисциплинарного дела задолженность адвокатом была частично погашена, и на момент рассмотрения дисциплинарного производства в Совете размер задолженности составлял 3690 рублей.

Совет, принимая во внимание попытки со стороны адвоката погасить образовавшуюся задолженность, а также обращение со стороны адвоката с просьбой об отсрочке уплаты задолженности в Совет АПИО, применил к адвокату У. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Член Совета Адвокатской палаты
Ивановской области

И.А. Зудова